

О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ КАТЕГОРИИ НРАВСТВЕННОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ XIX ВЕКА И ЕЕ ВЛИЯНИИ НА ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Е.А. Семухина (Саратов)

С начала 1830-х годов в европейских странах, и во Франции в частности, средства массовой информации становятся доступны широким слоям населения, приобретают значительный социальный вес, складывается та система, которая по своим характеристикам близка современной. Тема внешней политики в прессе XIX века занимает первое место, СМИ и общество того периода требуют от дипломатии гласности, принятия дипломатических решений сообразно нравственным принципам, реализации в межгосударственных отношениях культурных ценностей и категорий, связанных с моралью, защитой мира, мирными проектами. Подчеркнем, что вопросы культуры, сохранения духовных ценностей традиционно играют во Франции важную роль, благодаря чему страна успешно пользуется преимуществами культурной дипломатии как фактором своего «мягкого могущества» перед другими европейскими державами [1, с. 29].

В XIX веке общественное мнение, отраженное в прессе, постепенно становится действующей силой в международных отношениях. Представляется, что в прессе 1840-х годов мнение о нравственном вопросе в отношении внешней политики выражалось через: а) требование большей публичности (с целью дальнейшей оценки моральной стороны), и через: б) призывы к нравственной позиции в сфере дипломатии.

Так, в частности, политический ежедневник *Constitutionnel* от 8 сентября 1844 года требует от французского правительства прозрачности в отношении действий на международной арене:

«Il faut que la publicité inspire une grande frayeur au gouvernement, et qu'il ait beaucoup de choses à cacher. Presque toutes les nouvelles qui intéressent la France nous arrivent par l'étranger, ou par les correspondances ordinaires. Depuis que l'affaire de Taïti est engagée, le ministère a imposé à ses journaux un silence tout à fait étrange» [6].

Необходимо, чтобы пресса внушала большее уважение правительству, которое многое скрывает. Почти все новости, интересующие Францию, приходят к нам из-за границы или в результате частной переписки. С тех пор, как началось дело Таити, министерство <иностранных дел> наложило на свои газеты печать довольно странного молчания. (Здесь и далее перевод наш. – Е.С.).

Однако с точки зрения государственных чиновников, пресса, выражающая разнообразные точки зрения, сама может стать причиной неверной нравственной оценки событий. Так, в частности, газета *Globe* (от 31 марта 1843 г.), выражающая точку зрения министра иностранных дел Франции Франсуа Гизо, отмечала:

«...le journalisme a augmenté et aggravé le désordre moral des sociétés actuelles, parce qu'il les livre à cent enseignements qui ne s'accordent pas» [7].

...журналистика увеличила и усугубила нравственный беспорядок в современном обществе, т.к. преподнесла ему сотню разных мнений, которые противоречат друг другу.

В то же время средства массовой информации могли и самостоятельно призывать своих коллег к трансляции моральных культурных категорий, например, как в случае, когда в самом разгаре кризиса 1844 года в дипломатических отношениях между Великобританией и Францией из-за Таити в политическом издании *Adresse des ouvriers anglais aux ouvriers de France* писали:

«*La presse des deux pays, <...> par ses vives excitations, ses bravades ou ses menaces, a cherché à rallumer la flamme de nos vieilles animosités*» [2].

Пресса обеих стран своим горячим волнением, бравадой и угрозами стремилась разжечь пламя нашей старой вражды.

Однако новые коммерческие издания обвиняли политическую прессу, в том числе правительственную, в том, что она превратно использует патриотические чувства читателей, и это, в свою очередь, создает угрозу войны [8].

Что касается требования со стороны общественного мнения соблюдать нравственную позицию в дипломатических отношениях, отметим, что данные факты, в отличие от призывов к большей открытости и внутреннего морализаторства, менее частотны. Тем не менее хорошей иллюстрацией является пример, когда «левая» французская пресса претендовала на роль «хранителя морали» и требовала, во время дела Притчарда, чтобы французская нация вела себя как рыцарь, защищающий свою честь. В частности, было высказано соображение, что Притчарду необходимо выплатить компенсацию за его высылку с Таити. Общественное мнение, озвученное на страницах французских газет, было учтено, и Луи-Филипп даже предложил осуществить выплаты с его личных счетов, а не из государственной казны, что, впрочем, не нашло поддержки у тогдашнего министра иностранных дел Ф. Гизо [8].

В целом определение нравственности или безнравственности того или иного события на внешнеполитической арене в прессе часто сводилось к осуждению конкурирующего государства. Так, например, средства массовой информации Франции безоговорочно находили аморальными действия Великобритании по отношению к дипломатическим традициям, а также правам человека в период подписания Лондонской конвенции 1840 года. Министр иностранных дел Франции А. Тьер пользовался сложившимся в этот период отношением к английской стороне, чтобы поддержать воинственную риторику и заявить о том, что применение военной силы по отношению к европейским государствам может быть оправдано и поддержано французским народом. В частности, на страницах *Journal des débats* 28 июля 1840 года он заявлял:

«*nous ne sommes plus à une époque où l'on dispose du sang et de la fortune des hommes sans les consulter*» [3].

... сейчас не то время, когда можно пользоваться кровью и состоянием людей, не спросив их!

А послу Великобритании он говорил о «моральном насилии против Франции» [8].

Как утверждают историки, широкие массы французского народа были действительно взволнованы внешнеполитическими событиями и весьма воинственно и патриотически настроены. Так, по сообщениям полицейских:

«Hier, on a demandé à plusieurs reprises la Marseillaise dans tous les théâtres, et le parterre et le paradis de répéter l'air exécuté par l'orchestre ; ce soir encore on remarquait dans les rues de nombreux groupes d'ouvriers et d'étudiants chantant le même air...» [8].

... вчера во всех театрах неоднократно просили <сыграть> Марсельезу. Зрители в партере и на галерке подпевали мелодии, исполняемые оркестром. Сегодня вечером на улице можно было увидеть множество групп рабочих и студентов, поющих гимн...

К социальным формам выражения поддержки или отрицания внешнеполитических действий можно отнести также манифесты, партийные бюллетени, петиции и народные подписки. Так, в частности, в 1840 гг. патриотическая пресса начала подписку, чтобы преподнести меч чести адмиралу Дюпти-Туару [8], чьи решения по делу Таити не всегда одобрялись правительством. Малотиражные издания также были широко распространены. Это были брошюры, трактаты, сборники статей, тексты песен. Все эти печатные формы выражения общественного мнения позволяли выносить на уровень общенациональной дискуссии повестку дня, обойденную или иначе трактуемую властью.

Требования нравственности в сфере дипломатии было также связано и с религиозными ценностями. Так, в частности, в таитянском вопросе речь шла о вопросах вероисповедания. Французские протестантские газеты были возмущены тем, что Франсуа Гизо, являющийся протестантом, выступает на международной арене как защитник государственного католицизма [8]. Пресса высмеивала в памфлетах лицемерного, по их мнению, и аморального Ф. Гизо:

Pour mal il rend toujours le bien / (ceci est d'un très-bon chrétien) / Il est surtout très-pacifique / Pour toute insulte britannique / Oui, oui, / Certainement / Lord Guizot est un bon enfant [5].

За зло заплатит он добром. / И христианин он притом. / От англичан он всё готов снести, / Гизо ведь ангел во плоти.

Во французской прессе также подвергались нравственной оценке и вопросы, касающиеся права народов на самоопределение. Так, в частности, газета *Espérance* от 9 августа 1844 года осуждает решение о необходимости введения протектората над Таити вопреки мнению таитянского народа:

«on court le risque de fouler aux pieds les premières règles de l'équité internationale et de la probité politique» [4].

...высок риск попортить основные правила международного равенства и политической честности.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что обращение к категориям культуры, соотносящимся с моралью и нравственностью, на страницах французской прессы было довольно частым явлением в середине XIX века. При этом фокус внимания журналистов и общества был направлен на внешнюю политику государства. Таким образом, пресса не только информировала читателей и анализировала происходящие события, но и активно влияла на них. Требование гласности, прозрачности действий, нравственного дипломатического поведения от ответственных лиц и целых стран привело к формированию общественного мнения, выходящего за рамки национальных интересов, содействовало созданию универсальных принципов действия на международной арене, демократизации межгосударственных отношений.

Источники и литература:

1. Косенко, С.И. Генезис и эволюция культурной дипломатии Франции на протяжении эпох / С.И. Косенко // Вестник МГИМО. – 2013. – №4 (31). – С. 29–37.
2. Adresse des ouvriers de l'Angleterre aux ouvriers de la France. – Paris, imprimerie de Maulde et Renou, 1844.
3. Journal des débats. – 1840. – 28 juillet.
4. L'Espérance. – 1844. – 9 août.
5. Lallemand, A.-F. Lord Guizot, chanson élegiaque par M. MM. Francisque L*** / A.-F. Lallemand. – Paris, impr. de Guillois, 1846.
6. Le Constitutionnel. – 1844. – 8 septembre.
7. Le Globe. – 1843. – 31 mars.
8. Meltz, R. Vers une diplomatie des peuples? L'opinion publique et les crises franco-anglaises des années 1840 [Electronic resource] / R. Meltz. – Mode of access: <https://www.cairn.info/revue-histoire-economie-et-societe-2014-2-page-58.htm>. – Date of access: 11.02.2022.

АДУКАЦЫЙНЫЯ ЎСТАНОВЫ ЯК СУБ'ЕКТЫ ЗНЕСНЯЙ КУЛЬТУРНАЙ ПАЛІТЫКІ ІМПЕРЫЙ (1870-я – 1914 г.)

Д.А. Кривашэй (Мінск)

У эпоху позняга Новага часу, якую яшчэ называюць перыядам імперыялізму, становіцца відавочным, што культура, міжкультурныя камунікацыі могуць стаць важнай часткай міжнародных адносін, гнуткім і вельмі эфектыўным інструментам у вырашэнні палітычных і эканамічных пытанняў.

Сярод вучоных існуе перакананне, што “Брытанская карона ў Індыі і на Блізкім Усходзе, Германія ў Афрыцы і Францыя ў Індакітаі навязвалі сваю культуру як дзейсны сродак, які дапамагае ўзмацніць гандлёвыя сувязі і, адпаведна, эканамічны і палітычны ўплыў у патрэбных рэгіёнах, а таксама як інструмент для «вярбоўкі» мясцовай інтэлектуальнай эліты, якая прадстаўляла б інтарэсы метраполіі» [4, с. 183].

Першымі, хто распачаў “асветніцкую місію” сярод карэннага насельніцтва калоній, былі місіянеры розных канфесій. Таму не дзіва, што ў